

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Критическое эссе о стихах Жуковского «Годовщина Бородина» и воспоминаниях Федора Глинки о войне 1812 года

<Фрагмент>

<...>

Президент Северо-Американских Штатов есть особа почтенная, но не священная: как представитель общества по условию самого общества, он есть высший чиновник его, на котором лежит большая против других ответственность и который за то пользуется большим против других жалованьем и почетом, а не царь, который выше суда человеческого и с которым подданные связаны кровными, неразрывными узами духа и нравственного закона. Личность президента есть призрак, действительно одно звание его, и потому тот или другой — все равно. Вследствие этого идея этого государства есть условный символ, без сущности и личности, тогда как в монархиях образ государя есть личность государства, и подданный, служа монарху, служит своему государству. Имя монарха для подданных есть слово мистическое, таинственное, священное: оно заставляет магической силою заключенной в нем идеи признавать целый народ как единого человека и бесконечное множество индивидуальных особенностей сливает во единое тело, в единую живую душу, имеющую в своем акте сознания единое *я*. Отсюда ясно видно, какое великое значение имеет для венценосцев древность рода и происхождения, теряющаяся в непроницаемости мистического мрака времен и вечности. Царь должен родиться царем, и право рождения есть его первейшее и священнейшее право. Из миллионов людей он один избран богом, и миллионы не могут ревновать его избранию и добровольно преклоняют перед ним колени, как перед существом высшего рода, и охотно повинуются ему, отказывая в таком повиновении равным себе, ибо власть их считают случайною. Это-то, видно, и было причиною падения всех самозванцев и похитителей, хотя многие из них и были люди великого ума, способностей и силы характера. Как снято с самозванца царское имя, которым он осенился как правом, — и будь он гений, окажи народу великие заслуги, но уже нет на нем багряницы, и обнаженный труп его лежит добычею небесных птиц... Другим образом, но тот же конец бывает и для похитителей. Благодаря своему гениальному инстинкту, свойственному всем истинно великим людям, Наполеон глубоко чувствовал эту истину. Раздаватель корон и скипетров, могущественнейший

монарх в мире, по свободному признанию целого народа, великий гений, сам создавший себе и трон и свое колоссальное счастье, кажется, имевший полное право гордиться своим нецарским происхождением, он, несмотря на все это, беспокоился и о своей судьбе и о судьбе своего рода; он понимал, что для твердости и действительности его власти недостаточно и его гениальности, и его подвигов, и помазания католическим первосвященником, — и искал, как своего спасения, вступить в брак с женою царского рода. И вот он разводится с женою, которую страстно любил, которую короновал как императрицу, и вступает в новый брачный союз с принцессою древнего царского рода, с дочерью цесарей. Светские мудрецы, люди, которые легко рассуждают о тяжелых предметах, которым достаточно четверти часа, чтобы, с сигарою во рту, пересудить всех и все и перестроить мир на свой лад, такие люди глубокомысленно объявляют, что Наполеон этим союзом унижил величие своего гения и, увлекшись тщеславием, сделал безрассудный поступок, роковую ошибку, которая и погубила его. Нет! это была мысль гениальная, свойственная только великому человеку, глубоко понимавшему законы разумной действительности, глубоко постигавшему таинственную и сокровенную для обыкновенного зрения сущность вещей. Мысль Наполеона стоит всех его побед и подвигов: он в ней так же велик, как и в них. Не мелкое тщеславие, не суетное желание украситься заимствованным блеском и пурпуром чуждой ему багряницы решило его на этот союз, но глубокое сознание, что этот брак набросит на него в глазах царей и народов, современников и потомства тот религиозно таинственный свет, который составляет необходимое условие действительности царственного достоинства. Он понимал, что если у него будет сын, то хотя бы этот сын, наследовав его престол, не наследовал и слабого отблеска его гения, словом, был бы самым обыкновенным человеком, и тогда бы он тверже своего великого отца сидел на оставленном ему троне, он — сын великого отца и венценосной матери. Что он слышал в восторженных кликах своей старой гвардии? — любовь к ее великому полководцу, ее маленькому капрану... Но мог явиться и другой полководец, озарить новым блеском им же прославленных орлов и присвоить себе клики воинственных приветствий. Что он слышал в восторженных кликах народа? — благодарность за оказанные ему услуги, громкий аплодисман¹ за успех, за которым могли раздаваться — как оно и случалось — оскорбительные свистки сбившемуся с роли актеру. Не забудьте изречения Наполеона: «Я продолжитель не *королевства* Гуго-Капота², но *империи* Карла Великого». Видите ли: он призывает себе на помощь не один союз брака с венценосною женою, но и союз истории, союз веков, союз предания, — и на Марсовых полях силится напомнить священное и мистическое прошедшее и связать с ним настоящее... О, господа глубокомысленные политики! Наполеон понимал кое-что не хуже и не меньше вашего, и самые его ошибки и промахи разумнее и поучительнее ваших прекрасных умствований...